

Съ бокаломъ влаги золотой,  
 При звукахъ пѣсни полковой!  
 И скоро ль ментиковъ черонныхъ  
 Привѣтный блескъ увижу я,  
 Въ тотъ сѣрый часъ, когда заря  
 На строй гусаровъ полусонныхъ  
 И на бивакъ ихъ, у лѣска,  
 Бросаетъ лучъ исподтишка?

## XXX.

Съ Авдотей Николавной рядомъ  
 Сидѣлъ штабсъ-ротмистръ удалой:  
 Впился въ нее упрямымъ взглядомъ,  
 Крутя усы одной рукой.  
 Онъ видѣлъ, какъ въ ней сердце билось...  
 И вдругъ—не знаю, какъ случилось,  
 Ноги ея, иль башмачка,  
 Коснулись шпорой онъ слегка.  
 Тутъ начались извиненья  
 И завязался разговоръ;  
 Два комплимента, нѣжный взоръ—  
 И ужъ дошло до изъясненія...  
 Да, да, какъ честный офицеръ!  
 Но казначейша не примѣръ.

## XXXI.

Она въ отвѣтъ на нѣжный шопотъ,  
 Нѣмой восторгъ спѣша сокрыть,  
 Невинной дружбы тяжкій опытъ  
 Ему рѣшилась предложить—  
 Таковъ обычай деревенскій!  
 Помучить—способъ самый женскій.  
 Но ужъ давно извѣстна намъ  
 Любовь друзей и друга дамъ!  
 Какое адское мученье  
 Сидѣть весь вечеръ tête-à-tête,  
 Съ красавицей въ осьмнадцать лѣтъ!

## XXXII.

Вообще, я могъ въ году послѣднемъ  
 Въ дѣвицахъ нашихъ городскихъ  
 Замѣтить страсть къ воздушнымъ бреднямъ  
 И мистицизму. Бойтесь ихъ!  
 Такая мудрая супруга,  
 Въ часы любовнаго досуга,  
 Вамъ вдругъ захочетъ доказать,  
 Что 2 и 3 совсѣмъ не пять,  
 Иль, вмѣсто пламенныхъ лобзаній,  
 Магнетизировать начнетъ—  
 И счастливъ мужъ, коли заснетъ!..  
 Плоды подобныхъ замѣчаній,  
 Конечно бѣ, могъ не вѣдать міръ,  
 Но польза, польза—мой кумиръ.

## XXXIII.

Я балъ описывать не стану,  
 Хотя это былъ блестящій балъ.  
 Весь вечеръ моему улану  
 Амуръ прилежно помогалъ.  
 Увы! молясь иной святынь,  
 Не вѣруютъ Амуру нынѣ:

Забывать любви волшебный царь;  
 Давно остылъ его алтарь!  
 Но за столичнымъ просвѣщенемъ  
 Провинціалы не спѣшатъ;

## XXXIV.

И сердце Дуни покорилось;  
 Его сковалъ могучій взоръ...  
 Ей дома цѣлу ночь все снилось  
 Бряцанье сабли или шпоръ.  
 Поутру, вставъ часу въ девятомъ,  
 Садится въ шлафоръ измятомъ  
 Она за вѣчную канву—  
 Все тотъ же сонъ и наяву.  
 По службѣ занягъ мужъ ревнивый,  
 Она одна—разгулъ мечтамъ!  
 Вдругъ дверью стукнули. «Кто тамъ?»  
 Андришка! Ахъ, тюлень лѣнивый!..  
 Вотъ чей-то шагъ и передъ ней  
 Явился... только не Андрей.

## XXXV.

Вы отгадаете, конечно,  
 Кто этотъ гость неожиданный былъ.  
 Немного, можетъ-быть, поспѣшно  
 Любовникъ смѣлый поступилъ;  
 Но, впрочемъ, взявши въ разсмотрѣнье  
 Его минувшее терпѣнье  
 И разсудивъ, легко поймешь,  
 Зачѣмъ рискуетъ молодежь.  
 Кивнувъ тихонько головою,  
 Онъ къ Дунѣ молча подошелъ,  
 И на лицо ея навелъ  
 Взоръ, отуманенный тоскою;  
 Потомъ сталъ длинный усъ крутить,  
 Вздохнулъ и началъ говорить:

## XXXVI.

«Я вижу, вы меня не ждали—  
 Прочестъ легко изъ вашихъ глазъ;  
 Ахъ! вы еще не испытали,  
 Что въ страсти значить день, что часъ!  
 Среди сердечнаго волненія  
 Нѣтъ силъ, нѣтъ власти, нѣтъ терпѣнья.  
 Я здѣсь—на все рѣшился я..  
 Тебѣ я преданъ... ты моя!  
 Ни мелочные толки свѣта,  
 Ничто, ничто не страшно мнѣ;  
 Презрѣнье свѣтской болтовни—  
 Иль я умру отъ пистолета..  
 О, не пугайся, не дрожи!  
 Вѣдь я любимъ—скажи, скажи!..»

## XXXVII.

И взоръ его притворно-скромный,  
 Склоняясь къ ней, то угасалъ,  
 То, разгораясь страстью томной,  
 Огнемъ сверкающимъ пылалъ.  
 Блѣдна, въ смущеніи оставалась  
 Она предъ нимъ!.. Ему казалось,